

Роль высшего образования как общественного блага находится под угрозой?

Эллен Хэйзелкорн

Эллен Хэйзелкорн — почетный профессор и бывший директор Центра исследований высшего образования (HEPRU) Дублинского технологического института (Ирландия), а также международный эксперт Центра глобального высшего образования (CGHE), созданного Английским советом по вопросам финансирования высшего образования (HEFCE) и Советом по экономическим и социальным исследованиям (ESRC). E-mail: ellen.hazelkorn@dit.ie.

Статья написана на основе препринта E. Hazelkorn and A. Gibson (2017) "Public goods and public policy: What is public good, and who and what decides?", CGHE Working Paper 18. London: Centre for Global Higher Education (<http://www.researchcghe.org/perch/resources/publications/wp18.pdf>).

Увеличивающийся разрыв

Высшее образование обычно рассматривается как общественное благо (особенно в странах, где оно финансируется государством), так как оно несет пользу как отдельным людям, так и обществу в целом. Высшее образование — источник человеческого капитала, инноваций и предпринимательского потенциала, которые нужны для удовлетворения и развития личностных, общественных и экономических целей, необходимых социуму и индивидам и являющихся основой гражданского общества. По сути, существует негласный общественный договор, который помогает найти баланс между государственной поддержкой (через систему налогообложения) и общественно-политическим порядком (в обмен на институциональную автономию).

Хороший пример такого баланса — государственные университеты и университеты, получившие от государства землю в безвозмездное пользование, расположенные в Великобритании, США и других странах. Эти университеты появились как реакция государства на запрос со стороны общества, а академическое сообщество сыграло значимую роль в том, чтобы они состоялись как качественные образовательные учреждения, вносящие вклад в развитие общества. Многие исходили из базового допущения о том, что, поскольку (государственные) университеты символи-

зируют собой общественное благо и распространяют его через образовательную, исследовательскую и общественную деятельность, в силу самого этого факта и их деятельность, и ее результаты служат общественным интересам.

Сегодня многие аксиомы, на которые опиралась система государственного финансирования высшего образования, утратили силу. Сейчас, когда спрос на высшее образование растет, все большее число людей ощущают, что они как бы остаются за бортом, они не могут оправдать ни собственные ожидания, ни ожидания, предъявляемые обществом. Неравномерное распределение общественных благ сопровождается ощущением, что в остальном мире живется лучше. Преимущества высшего образования с точки зрения экономики и научно-исследовательских разработок недостаточно видны за пределами крупных агломераций. Более того, нам приходится конкурировать с городами и странами, о которых большинство из нас раньше и не слышали или не рассматривали всерьез.

Результаты британских и американских опросов показывают, что университеты и академические сотрудники воспринимаются как чрезмерно своекорыстные субъекты, которые недостаточно заинтересованы в обучении студентов и в их результатах. Университетское сообщество поглощено гонкой за высокие места в международных рейтингах, но в США, например, в самых престижных университетах уровня Гарварда и Йеля обучается менее 1% студентов, а среди британских студентов только 9% приходится на Оксбридж и университеты группы «Рассел» (элитная группа, куда входит 24 вуза. — *Ред.*).

Разнообразие взглядов на мир отражается в результатах недавних выборов в Великобритании, США и Франции, а также в росте социальной напряженности в других странах. Наблюдается увеличение расхождений между университетами и жителями глобализирующихся городов с одной стороны и сообществами и регионами, ориентированными в первую очередь на самих себя — с другой.

Напряженность между высшим образованием и обществом

И в европейских, и в других странах высшее образование находится в стрессовых условиях.

— В США за аккредитацию вузов исторически отвечает «триада», состоящая из федерального правительства, региональных аккредитационных агентств и правительств штатов, и это поддерживается академическим сообществом. Роль федерального правительства не очень значительна. Однако в последние годы все больше растет озабоченность высоким уровнем отсева студентов и трудоустраиваемостью выпускников, в особенности в контексте повышения цен на образование и объема задолженностей по студенческим кредитам. При Обаме был создан государственный портал College Scorecard, который «призывает вузы к ответственности

за соотношение стоимости и качества образования» и обеспечивает возможность общественного контроля их деятельности. Кроме того, Конгресс принял меры, направленные на ужесточение правил аккредитации и работы аккредитационных органов.

— В Великобритании была опубликована первая версия Рамочной программы по улучшению качества преподавания (TEF). Она должна помочь абитуриентам получить более подробную информацию о качестве образовательных программ и повысить престиж преподавательской работы. В каком-то смысле TEF вытеснила существовавшую ранее процедуру оценки качества (QA), представлявшую собой написание длинных отчетов и не позволявшую сравнивать результаты обучения студентов. QA критиковали за чрезмерную бюрократичность, за необходимость заполнения бесконечных анкет. В результате люди перестали доверять QA, и образовалась лакуна, которую постепенно заполнили рейтинги. А TEF обслуживает широкий круг потребностей и интересов и находит поддержку не только у скептически настроенных политиков и общества, но и у других игроков неоднородного образовательного рынка.

— В Ирландии государственное видение высшего образования изложено в «Национальной стратегии развития высшего образования до 2030 года» (опубликована в 2011 году). Стратегия была подготовлена группой экспертов по результатам длительных обсуждений, в ее основу легла идея о «системе высшего образования как едином целом» — в противовес индивидуалистическому подходу, которому способствуют университетские рейтинги. Стратегия также признает объективные ограничения, связанные с размером страны и объемом бюджета. Правительство хочет повысить ответственность вузов, ведя переговорный процесс, получивший название «Стратегический диалог», чтобы в итоге миссия и результаты деятельности вузов лучше соответствовали национальным стратегическим задачам. Еще правительство приняло стратегию приоритизации исследовательских тем, так что теперь финансирование получают исследования, связанные с ключевыми направлениями промышленности.

— В Нидерландах целая цепочка событий последних десятилетий привела к увеличению роли правительства в высшем образовании, что связано с задачей повышения продуктивности и эффективности университетов, а также с внедрением принципа долгосрочного планирования научной деятельности. Такая смена курса была вызвана опасениями по поводу институциональной дифференциации и результатов обучения студентов, в частности высокого уровня отсева и неадекватности системы относительно разнообразных потребностей студентов и рынка труда. Университеты и университеты прикладных наук подписали коллективные стратегические соглашения с национальными министерствами при помощи ассоциаций вузов, которые разработали формат соглашений.

Сегодня многие аксиомы, на которые опиралась система государственного финансирования высшего образования, утратили силу.

Эти соглашения, подписанные всеми вузами, описывают цели и планы, касающиеся структуры образовательной системы, профилей вузов и образовательных программ, и привязаны к системе финансирования.

Пришло время для нового общественного договора?

Все эти примеры иллюстрируют лишь некоторые аспекты роста напряженности между высшим образованием и обществом, которая описывается в категориях подотчетности (обществу) в противовес (институциональной) автономии и становится все более очевидной и конфликтной. Недавние события в Венгрии, Индии и Турции разоблачают, к сожалению, и проблемы другого рода. Все это заставляет пересмотреть вопрос о роли высшего образования в современном обществе и о практическом понимании вузами, правительствами и обществом понятия «общественное благо».

Многие считают, что вторжение властей на территорию, которая привычно ассоциируется с академическим самоуправлением (например, ориентация на конечные результаты и индикаторы деятельности вузов), является свидетельством перехода к нелиберальным практикам новой модели управления обществом (NPM). В последнее время распространение националистической и шовинистской идеологии привело к конфликту между вузами и правительствами, которые пытаются ограничить иммиграцию, остановить мультикультурализм и ставят под сомнение либеральные ценности. Из-за идеологизированности этих событий академическое сообщество позволило себе отмахнуться в том числе и от критических замечаний, что только подкрепило общественные опасения насчет самодовольства и изоляционизма вузов.

В этом смысле интересен пример Ирландии. Отказ одного-единственного университета отреагировать на правомерные обвинения в финансовых злоупотреблениях привел к тому, что общество начало задавать вопросы всему сектору. Университеты, в свою очередь, утверждают, что из-за сокращения бюджетного финансирования государственные вузы уподобились частным и что модель управления в этой связи изменилась. Но таким образом они фактически перекраивают свою роль и вместо «общественного блага» переходят к транзакционным отношениям, тем самым открывая ящик Пандоры.

На протяжении последних десятилетий мы наблюдали серьезные сдвиги в организации управления — от строгого регулирования к «удаленному пилотированию», к проявлению признаков нового общественного договора. Модель нового общественного договора предполагает сплочение вузов и властей с целью выработать единое видение и договориться о предполагаемых результатах. Подобное практикуется, к примеру, в Австралии, Гонконге, Ирландии, Нидерландах, Новой Зеландии, Норвегии и канадской провинции Онтарио. Это показывает, что разные цели вовсе не означают взаимоисключение и что восприимчивость к запросам общества легитимирует цели собственно академического сообщества в самом широком смысле.

Если раньше государство обеспечивало жизнедеятельность университетов, то теперь, в эпоху глобализации и практически всеобщего высшего образования, вузы должны обеспечивать жизнедеятельность общества. В этих новых условиях у вузов есть возможность сделать выбор в пользу осмысленного содействия в разработке нового общественного договора, иначе в этот процесс вмешается государство и возьмет все обязанности на себя.

«Свобода слова» и «оскорбительные высказывания» в кампусе

Питер Скотт

Питер Скотт — профессор наук о высшем образовании Института образования Университетского колледжа Лондона (Великобритания), уполномоченный правительства Шотландии по вопросам равного доступа к высшему образованию. E-mail: P.Scott@ioe.ac.uk.

Во многих странах свобода слова и академическая свобода находятся под угрозой: в Венгрии, Китае, России, Турции угроза исходит со стороны авторитарных правительств, в ближневосточных государствах — со стороны религиозных фундаменталистов, в других регионах — со стороны правых популистов, которые убеждены, что их культуре и обществу грозит опасность (и которые зачастую относятся к университетам как к бастионам либерализма и космополитизма). Но либералы внесли свою лепту в формирование такого отношения. Так, студенты Йеля и Принстона проводили кампанию за переименование ряда корпусов, включая корпус, названный в честь президента

Вудро Вильсона — автора знаменитых «Четырнадцати пунктов», четырнадцати безукоризненных с либеральной точки зрения принципов, которые помогли положить конец Первой мировой войне. А студенты Оксфорда, вдохновленные успешным опытом студентов Кейптаунского университета, пытались повторить кампанию южноафриканцев «Родс должен пасть» (#RhodesMustFall), хотя в Оксфорде «оскорбительная» статуя Сесила Родса, империалиста поздневикторианского периода, гораздо скромнее ее аналога в Кейптауне и расположена высоко на фасаде Ориельского колледжа.

Неоднозначная политическая реакция

Даже в демократических странах политическая реакция на подобные события оказалась неоднозначной. Например, в Великобритании правительство на законодательном уровне потребовало, чтобы в университетах была гарантирована свобода слова для непопулярных спикеров (возможно, имелись в виду спикеры правого толка?) и чтобы пресекались кампании, призывающие к недопущению таких спикеров в стены вузов. В то же время правительство настаивает на том, чтобы руководство университетов сопротивлялось попыткам исламских фундаменталистов радикализировать студентов, и придумывает новые, неслыханные в демократическом дискурсе термины типа «ненасильственный экстремизм».

Правда заключается в том, что «свободу слова» и «политкорректность» нужно рассматривать не как полярные принципы, а как части единого спектра. Никакой разумный человек не будет утверждать, что свобода слова абсолютна: во-первых, потому, что никто не имеет права кричать «Пожар!» в переполненном кинотеатре (так же, как и использовать расистскую риторику в мультикультурном вузе?); во-вторых, потому, что свобода слова всегда реализуется в рамках системы законов. И даже самые ярые защитники свободы слова утверждают, что она возможна именно благодаря верховенству права.

Меняющийся контекст

Вместо того чтобы пытаться выработать абсолютные принципы, было бы полезно выявить тенденции, которые влияют на общественную дискуссию. Первая закономерность заключается в том, что правомерные дебаты об (абсолютной) пользе науки шли всегда и идут до сих пор. Раньше возражения касались не столько самой науки, сколько способов ее применения. Сейчас некоторые участники таких дискуссий идут дальше. Исследования стволовых клеток и генома человека, безусловно, вызывают вопросы об автономии и даже святости человеческого существования, равно как и когнитивистика (некоторые ее аспекты) и исследования искусственного интеллекта.

Во-вторых, наблюдается сдвиг в сторону более бесвязного, раздробленного, неустойчивого и идеологически многообразного глобального «климата».